

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1994 г. А.Г. ШИРОКОВА

ПРАЖСКАЯ ШКОЛА И АКАДЕМИК БОГУСЛАВ ГАВРАНЕК

В отечественном языкознании хорошо известны работы так называемого "русского крыла" Пражского лингвистического кружка (ПЛК) – Р.О. Якобсона, Н.С. Трубецкого, С.И. Карцевского. Труды же чешских лингвистов, которые были основателями ПЛК и на протяжении всей своей научной деятельности развивали и воплощали на практике его основополагающие идеи, менее известны, хотя они получили широкое распространение не только в Чехословакии, но и во всем мире.

В январе 1993 г. научная общественность отметила столетний юбилей со дня рождения академика Богуслава Гавранека. Он родился 3 января 1893 г. в Праге, в учительской семье, закончил философский факультет Карлова университета, где изучал богемистику, славистику, классическую филологию и индоевропеистику. На протяжении нескольких десятилетий Б. Гавранек был признанным главой чехословацкой бегемистики, славистики и общей лингвистики, одним из создателей новой теории языка. Мы хотели бы еще раз подчеркнуть значительный вклад Пражской лингвистической школы, и прежде всего Б. Гавранека, в славянскую и мировую славистику и общее языкознание.

В творческой деятельности Б. Гавранека можно выделить несколько этапов. Первый период проходил под знаменем формирования научной личности Б. Гавранека. В этот период он, находясь под влиянием своих университетских учителей Й. Зубатого, О. Гуйера и И. Поливки, работал в области сравнительно-исторического языкознания. В 1928 г. Б. Гавранек подготовил и выпустил в свет I том своей монументальной монографии "Залог глагола в славянских языках" [1], после чего получил звание магистра по специальности "славянская филология". Через год он уже был экстраординарным профессором в университете им. Масарика в г. Брно. Кроме проблем залога, в центре внимания исследователя в этот период находились также сложные вопросы фонетики: он писал о неассимилированных согласных в древнечешском языке, о вторичных вокалах в славянских языках, уделяя одновременно большое внимание истории и современному состоянию славянского языкознания.

В своих работах Б. Гавранек обнаруживает глубокое понимание структуры языка и системности его явлений, различение планов синхронии и диахронии, а также необходимость дифференциации в языке стилизованных образований.

Второй период в научном творчестве Б. Гавранека определяется его тесной связью с деятельностью Пражского лингвистического кружка, членами которого являлись специалисты по славянским и германским языкам и литературам. В состав ПЛК входили прежде всего чехословацкие ученые: В. Матезиус, Б. Гавранек, Б. Трнка, Я. Мукаржовский, М. Вейнгарт, Фр. Оберпфальцер и др. Активное участие в работе ПЛК принимали и русские ученые, в частности находившийся в то время в Праге Р. Якобсон, Н.С. Трубецкой, а также работавший с 1925 г. в Женеве С.И. Карцевский.

В историю возникновения ПЛК Б. Гавранек вошел благодаря своему активному участию в подготовке "Тезисов", посвященных I Международному съезду славистов (Прага, 1929 г.), который был приурочен к 100-летию со дня смерти патриарха

славистики Йозефа Добровского. Основное участие в разработке "Тезисов" ПЛК принимали В. Матезиус, Б. Гавранек, Р. Якобсон и Я. Мукаржовский. Б. Гавранек вместе с В. Матезиусом разработал тезис о значении функциональной лингвистики для общей культуры славянских языков и о применении новых лингвистических направлений при обучении родному языку. Он закладывал также основы изучения синтаксической грамматики, ему принадлежит значительная доля в осмыслении общих принципов языковой культуры.

На формирование принципов ПЛК существенное влияние оказала Женевская школа и теория Ф. де Соссюра, а также учение Бодуэна де Куртенэ. Нельзя не принимать во внимание и тот факт, что в России в это время проявляла большую активность лингвистическая школа Ф.Ф. Фортунатова. Поэтому не случайно, что в основании ПЛК большую роль сыграли русские ученые – выпускники Московского университета. В изданиях ПЛК публиковались многие европейские и американские ученые: Бюлер (Австрия), Ельмслев (Дания), де Гроот (Голландия), Улашин и Доросhevский (Польша), Теньер и Мартине (Франция), Блумфилд (США) и мн. др.

Свое научное кредо члены ПЛК изложили сначала на I Международном лингвистическом конгрессе в Гааге в 1928 г., а затем в своих знаменитых "Тезисах" [2]¹.

Уже заголовок "Тезисов" – "Проблемы метода, вытекающие из представления о языке как системе, и значение этого представления для славянских языков", а также подзаголовок ("Синхронический метод и его отношение к методу диахроническому; сравнение структурное в противовес сравнению генетическому; случайный характер или закономерная связь явлений в лингвистической эволюции") – красноречиво характеризуют теоретическую концепцию ПЛК, из которой вытекают следующие принципиально значимые положения, изложенные в 1-м разделе: 1) решительный отход от генетической и атомистической концепции младограмматиков; 2) представление о языке как о структурно организованной системе; 3) представление о языке как о функциональной системе (разрядка наша. – Ш. А.).

Так, в 1-м разделе "Тезисов" читаем: "Язык, являясь продуктом человеческой деятельности, обладает вместе с ней целевой направленностью,... поэтому к лингвистическому анализу следует подходить с функциональной точки зрения. С функциональной точки зрения язык является системой целенаправленных средств выражения. Ни одно языковое явление нельзя понять без учета системы, к которой он принадлежит" [3, с. 35, 1а].

В этом же разделе "Тезисов" (пункт 1b) указывается на необходимость считать первоочередной задачей славянской лингвистики выработку определения лингвистических характеристик современных славянских языков, без которых невозможно глубокое изучение славянских языков вообще. Лучшим способом для познания их сущности и характера является синхронный анализ.

Однако уже в этом пункте настоятельно подчеркивается, что нельзя возводить непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делает Женевская школа. По твердому убеждению членов ПЛК, диахроническое исследование не только не исключает понятия системы и функции, но напротив, без учета этих понятий является неполным. Отмечается также, что само синхроническое описание отнюдь не исключает понятия эволюции; и в области синхронии в нашем сознании существуют элементы стадий уходящих, существующих и наступающих. Стилистические элементы, воспринимаемые как архаизмы, фиксируемые продуктивные и непродуктивные формы являются свидетельством наличия в синхронии элементов диахронических.

В пункте (1с) первого раздела "Тезисов" говорится о новых возможностях применения сравнительного метода (разрядка наша. – Ш. А.). При этом отмечается, что если до настоящего времени сравнительное изучение славянских

¹"Тезисы" ПЛК были опубликованы на французском языке в 1929 г. в *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, позже (на чешском языке) в книге "U základů pražské jazykovědné školy" (Praha, 1970).

языков ограничивалось преимущественно проблемами генетическими, и прежде всего поисками общего прототипа, то с позиций ПЛК сравнительный метод должен быть использован шире. Он должен открывать структурные закономерности языковых систем и их развития, причем как языков родственных, так и неродственных [3, с. 36, 1с].

Этим было положено начало типологическому подходу к проблемам структурной грамматики, получившему яркое воплощение прежде всего в работах В. Скалички и Б. Гавранека. Вполне современно звучит тезис о том, что сравнительное изучение эволюции славянских языков с применением функционально-структурного метода разрупает наше представление о случайном и эпизодическом характере конвергентного и дивергентного развития языков, отбрасывает ложный метод исследования изолированных фактов, раскрывает основные тенденции развития того или иного языка, позволяет успешно применять принципы относительной хронологии, которые более надежны, чем косвенные данные, извлеченные из памятников.

Во 2-м разделе "Тезисов", озаглавленном "Задача изучения языковой системы, особенно славянских языков", фонологическое и морфофонологическое описание всех славянских языков определяется как насущная проблема славистики. При этом особо подчеркивается, что в исследованиях, относящихся к звуковому аспекту языка, необходимо различать звук как объективный физический факт, с одной стороны, и как элемент функциональной системы, выполняющий смысловоразличительную функцию, – с другой. Системно-структурный принцип изучения фонологической системы предполагает учет ее внутренних взаимосвязей. Одновременно выдвигается требование изучения фонологических корреляций как особого типа значимых различий, определения сочетаемости фонем, учета роли морфологического использования фонологических различий и др. [3, с. 38–39, 2а].

В пункте (b) 2-го тезиса определяется также принцип исследования слова и сочетания слов. Особо подчеркивается, что каждый язык имеет свою собственную систему способов номинации и создает свой особый словарь. Важным является указание на то, что система категории слов, ее объем и внутренняя структура для каждого языка должны изучаться отдельно.

Функциональная концепция ПЛК позволяет связать разнородные явления в одно целое, установить систему данного языка и дать объяснение тому, что прежний метод мог только констатировать.

Значительное место в этом пункте отводится синтаксической зависимости и связи слов в рамках функционального синтаксиса, роли предикации и субъекта.

В 3-м разделе "Тезисов", посвященном проблемам изучения различных языковых функций, особенно в славянских языках, выдвигается новое понимание сущности литературного языка. В соответствии с функциональным подходом к языку разрабатывается теория функциональных стилей, обосновывается теория языковой нормы и кодификации, а также культуры речи. Известная статья Б. Гавранека "О функциональном расслоении литературного языка" [4] содержит характеристику языка как сложного многослойного образования, различные функциональные слои которого имеют свое специфическое назначение. Правда, нельзя согласиться с тем, что разные языковые пласты и стилевые разновидности возводились членами ПЛК в ранг языков (например, поэтический язык считался особым языком, имеющим свою условную систему средств выражения).

Весьма существенным в "Тезисах" является требование учета социолингвистических факторов, которые необходимо принимать во внимание при изучении различных типов речевой деятельности: взаимоотношение говорящих, степень их социальной, профессиональной и родственной связи, их принадлежность к разным коллективам. Это положение заложило основы социолингвистики как науки.

Объем статьи не позволяет подробно рассмотреть другие разделы "Тезисов", поэтому назовем лишь важнейшие положения, необходимые для характеристики направленности научной деятельности Б. Гавранека и Пражской лингвистической школы в

целом. Так, в 4-м разделе "Тезисов" подчеркивается необходимость дальнейшего изучения церковнославянского и старославянского языков, важность исследования всех литературных диалектов старославянского языка, его графических систем, а также церковнославянских элементов в литературных славянских языках с точки зрения тех функций, которые они выполняли в различные периоды развития этих языков [3, с. 51–52].

Один из разделов "Тезисов" посвящен принципам лингвистической географии, их применению и отношению к этнографической географии на славянской территории [3, с. 53]. Важнейшим в "Тезисах" следует считать требование о необходимости создания общеславянского лингвистического атласа, особенно лексического, так как сравнительно-этимологическое сопоставление славянской лексики невозможно без установления точного ареала распространения каждого слова.

В 8-м разделе "Тезисов", где рассматриваются проблемы методов славянской лексикографии, авторы пишут, что "лексикология как наука о слове и словарном составе языка не является простым конгломератом некоторого количества отдельных слов. Напротив, это сложная лексическая система, в которой все слова так или иначе связаны друг с другом или противопоставлены друг другу. Значение слова определяется прежде всего его отношением к другим словам, то есть его местом в лексической системе. Определение же места слова в лексической системе возможно только после изучения структуры данной системы" [3, с. 56–57]. Особо подчеркивается важность изучения лексических систем близкородственных языков, так как именно при наличии большого сходства лексического материала индивидуальные признаки разных систем выявляются с наибольшей ясностью.

В 9-м разделе "Тезисов" определяется значение функциональной лингвистики для языковой культуры славянских языков. При этом под культурой языка понимается четко выраженная тенденция к развитию в литературном языке (как в письменном, так и в устном) определенных свойств, соответствующих его коммуникативной функции. К их числу прежде всего относятся: 1) стабильность; 2) способность передавать ясно и точно, со всеми тонкостями самые разнообразные оттенки мыслей и чувств; 3) оригинальность языка, т.е. культивирование в нем таких свойств, которые придадут ему специфический характер [3, с. 58].

Основные положения, содержащиеся в "Тезисах" ПЛК, были реализованы в работах Б. Гавранека, в исследованиях второго поколения представителей Пражской лингвистической школы (В. Скалички, А. Келлнера, Я. Белича, Л. Новака, Й. Вахека, М. Докулила, П. Троста, К. Горалека, А. Едлички, Ф. Копечного, Э. Паулини, Й. Грабака и др.), а также в работах их многочисленных учеников и последователей (Ф. Данеша, К. Гаузенбласа, П. Сгалла, П. Новака, О. Лешки, В. Барнета, Г. Беличовой-Кржижковой и др.).

Совершенно очевидно, что новая лингвистическая концепция притягивала к себе молодых ученых как в пределах Чехословакии, так и за рубежом. „

Для углубленного развития и популяризации идей Пражской лингвистической школы очень много сделал Б. Гавранек, научная деятельность которого необычайно обширна и многогранна. Нет ни одного направления в языкознании, нет ни одной лингвистической области, которой бы Б. Гавранек не касался и творчески не разрабатывал. Его основные исследования, которые будут охарактеризованы ниже, стали краеугольным камнем в истории изучаемых проблем, они снискали ему авторитет крупнейшего ученого во всем мире. И это при обширной педагогической, редакторской, организационной и культурно-просветительской деятельности.

Весьма плодотворными в научном отношении для Гавранека были 30-е годы. В это время выходят его наиболее значительные синтетические работы: монография "Чешские диалекты" [5], в которой он с опорой на предшествующие исследования и на новый собственный материал нарисовал картину диалектных различий чешского языка на всей территории его распространения, выявил динамику нивелировки диалектов и образования интердиалектов. Эта работа выгодно отличалась от работ его предшест-

венников, направленных главным образом на изучение архаических явлений, тем, что она стимулировала изучение сложных отношений между литературным языком и нелитературными образованиями, которые в последний период интенсивно развивались и привлекали внимание к изучению обиходно-разговорного языка (*obecná řečtina*), определяемого Б. Гавранек следующим образом: "Обиходно-разговорный язык ... это форма существования языка, непосредственно связанная с литературным языком, который черпает из нее живые силы, что способствует его возрождению. Без разговорной формы литературный язык стал бы мертвым и стандартизованным настолько, что он перестал бы развиваться" [5, с. 86]. Труды Б. Гавранека по диалектологии, его трактовка возникновения обиходно-разговорного языка оказали большое влияние на собственно диалектологические исследования. Они стимулировали также изучение проблем сложных отношений между литературным языком и нелитературными образованиями.

В "Тезисах" ПЛК наряду с изучением языковых систем на передний план была выдвинута задача характеристики литературных языков в аспекте выполняемых ими функций. В рамках этой проблематики большое внимание уделялось пониманию сущности и специфическим особенностям литературных языков как при их синхронном, так и диахроническом изучении. Признание факта полифункциональности литературного языка привлекло внимание лингвистов к проблемам функциональных стилей и функционально-стилевой дифференциации. В ряде работ, особенно в обширной статье "Задачи литературного языка и его культура" (1932 г., см. [6]), Б. Гавранек определяет функциональную и структурную специфичность чешского литературного языка, особенности его развития и функционального расслоения.

На II Международном съезде славистов в Варшаве в 1934 г. Б. Гавранек выступил с докладом, в котором очертил круг проблем, связанных с исследованием литературных языков, заострив при этом внимание на необходимости их сравнительного рассмотрения.

В дальнейшем изучение литературных языков вообще, а в работах Б. Гавранека в частности, развивалось в трех направлениях: 1) общетеоретическом; 2) в плане синхронии и диахронии; 3) по линии полилингвального изучения родственных и неродственных языков. При этом следует особо подчеркнуть, что подобное изучение значительно отличалось от традиционной компаративистики как по методам, так и по целям исследования. В работах Б. Гавранека этого цикла, как и в трудах его единомышленников, анализировалось взаимоотношение устной и письменной форм литературного языка, коммуникативные сферы разговорного языка и другие связанные с этими проблемами вопросы.

В 1936 г. вышла в свет уникальная монография Б. Гавранека "Развитие литературного чешского языка" [7], в которой всесторонне описана история развития литературного чешского языка с момента его возникновения до периода написания работы. Автор вскрывает в ней как внутренние, собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы развития языка, обусловленные общественной ситуацией. В этом труде Б. Гавранек характеризует стилевые различия литературного чешского языка, определяет роль языковой теории в процессе его формирования, отмечает случаи профессионального и непрофессионального вмешательства в его развитие, взвешенно и трезво оценивает иноязычные влияния, прослеживает влияние литературного чешского языка за границами территории его распространения (особенно в Польше), иллюстрирует отдельные периоды его развития удачно выбранными и наглядными примерами связных текстов, извлеченными из чешских исторических памятников.

В сфере интересов исследователей этого времени находились также вопросы, связанные с отношением литературного языка к языку художественной литературы. В своем творчестве Б. Гавранек проявлял большой интерес к языку произведений чешских писателей: к народной основе языка Б. Немцовой, к поэтическому языку К.Г. Махи, к особенностям языка Я. Гуса и Я.А. Коменского, что позволило автору проникнуть в языковую специфику эпохи, вскрыть ее узус и норму.

Научная деятельность Б. Гавранека была тесно связана с практической, с усилиями поднять всю языковую культуру общества. Для чешской языковой ситуации того времени это было необычайно актуальной задачей, обусловленной причинами исторического характера. Еще в конце XIX в. ревнители "первоначальной чистоты" чешского языка, считавшие, что литературный язык находится в состоянии глубокого упадка, выступали за его "очищение" от заимствований, новообразований и пр. Начали появляться "Брусы" – специальные пособия, в которых обращалось внимание на "неправильное" значение и употребление отдельных слов, форм и выражений (1-е изд. – Прага, 1877). "Брусичи" выдвинули принцип "исторической чистоты" и "прямолинейной правильности". Мерилом языковой правильности современного языка были объявлены чешский литературный язык старшей поры (XVI–XVII вв.), народные диалекты, а также другие славянские языки. Языковой пуризм в Чехии снова усилился во время первой мировой войны. Представители этого направления сосредоточили свою деятельность в журнале "Наша речь" (Naše řeč, 1-й вып. – 1917 г.), где отрицались живые тенденции развития литературного языка, связанные с расширением его функций. "Наша речь" продолжала в сущности линию "Брусов" на сохранение старого книжного языка, препятствовала введению в чешский язык новых слов и оборотов, стремилась "очистить" язык от иностранных слов. Произведения современных писателей считались ненадежным источником познания языка. "Наша речь" не переставала поучать писателей и современников, подвергая анализу их произведения с точки зрения "правильности" их языка. Многие чешские писатели, увидев в этом опасность для развития языка и литературы, резко выступили против деятельности журнала. К протесту писателей (И. Ольбрахт, О. Фишер, В. Ванчура и др.) присоединились и чешские лингвисты. В полемику о культуре чешского языка включились представители ПЛК: В. Матезиус, Б. Гавранек, Я. Мукаржовский, Р. Якобсон, М. Вейнгарт. Сформулированные ими и изложенные еще в "Тезисах" (1929 г.) принципы понимания языка они развили и конкретизировали в цикле лекций, посвященных вопросам языковой культуры, в 1932 г. В том же году был выпущен в свет сборник "Литературный язык и языковая культура" [6], в котором Б. Гавранеку принадлежит большая упоминаемая выше статья "Задачи литературного языка и его культура". Б. Гавранек, как и прочие представители ПЛК, исходил в своей практике из следующих принципов:

1) последовательная синхрония, т.е. изучение норм современного литературного языка, которые нельзя искать ни в произведениях старшей поры, ни в народной речи. Источником познания современного литературного языка могут служить произведения, написанные за последние 50 лет, включая творчество авторов, которые закладывали основу литературного чешского языка (Б. Немцова, Й.К. Тыл, К. Гавличек-Боровский);

2) функциональный подход к языку, т.е. строгое различение задач, которые стоят перед различными формами его существования;

3) структурное понимание языка, т.е. понимание литературного языка (как и языка вообще) как системы.

Исходя из этих принципов, Б. Гавранек, как и другие представители ПЛК, отрицал пуристический тезис об "упадке" чешского литературного языка, выступая против принципов "исторической чистоты" и "прямолинейной правильности".

Из требования разработки новых принципов языковой культуры с неизбежностью вытекало и требование культивирования литературного чешского языка, т.е. практического устранения того разрыва, который существовал между языковой практикой и языковой теорией.

С проблемами разработки принципов теоретического и практического изучения литературного языка и его культуры связано основание журнала "Слово и словесность" (Slovo a slovesnost). Большую роль в его создании сыграл Б. Гавранек. В задачу журнала входило, как говорится в проекте, приложенном к первому номеру,

"поднять интерес к теоретическим проблемам языка и культуры, поднять уровень языкового и литературного образования..." [8, с. 2]. Уже в первом номере журнала Б. Гавранек обратил внимание на весьма актуальную для того времени проблематику грамматической кодификации чешского языка, раскритиковал ее главные недостатки и внес предложение, как преодолеть противоречие между существующей кодификацией литературного языка и действительным положением вещей [8]².

В 1947/48 г. Б. Гавранек в теоретически значимой статье "Принципы ПЛК и новая кодификация литературного чешского языка" [10] снова сравнивает кодификацию чешского языка с современным узусом и снова указывает на ее недостатки³.

Как трибуна Пражской лингвистической школы журнал "Slovo a slovesnost" предназначался не только для научных кругов, но и для широкой филологической общественности, что не снижало, впрочем, его высокого научного уровня. Наряду с лингвистами в нем публиковались и крупные ученые-литературоведы (Я. Мукаровский, Фр. Вольман, а позже Й. Грабак и Ф. Водичка), а также такие известные писатели, как К. Чапек, В. Незвал, В. Ванчура и др. С полной уверенностью можно сказать, что "Slovo a slovesnost" в своих первых девяти выпусках (с 1935 г. до закрытия журнала нацистами в 1943 г.) отражало многосторонние научные интересы Пражской лингвистической школы, своими публикациями заявившей о себе как о подлинной научной школе, которая живо реагировала на актуальные проблемы языковой практики и чешской литературной нормы. Правда, следует отметить, что значительное количество статей представителей Пражской школы, имеющих общетеоретическое значение, вышло в Travaux du Cercle linguistique de Prague, а также в других чешских и зарубежных изданиях. Однако и в выпусках "Slovo a slovesnost" опубликовано немало ценных материалов по общим вопросам лингвистики: например, статьи В. Матезиуса, В. Скалички, Й. Коржинка и др.

Журналу "Slovo a slovesnost" (до 1943 г.), по справедливому замечанию Й. Вахека, "... принадлежит заслуга пропагандиста нового взгляда на язык, пионера, внесшего значительный вклад в широкий контекст национальной культуры и повседневной языковой практики" [12].

После освобождения Чехословакии в 1945 г. журнал "Slovo a slovesnost" снова начал выходить в свет (с 1947 г.) в новых политических условиях и в новом научном контексте. Он стал центральным научным органом по проблемам богемистики и общей славистики. В это время большое научное и практическое звучание получает упомянутая выше статья Б. Гавранека (см. [10]). Принципиально важными являются теоретические статьи В. Скалички о различии между копенгагенским и пражским структурализмом, об аналогии и аномалии, о теории падежей, статьи А.В. Исаченко о проблемах синхронной лингвистики, Б. Трнки о фонологической статистике, Ф. Данеша о взаимоотношении фонологии и фонетики, статьи Ф. Колечного и И. Польдауфа о глагольном виде, а также ряд статей Я. Белича по теории развития литературного языка.

Новый период в работе журнала "Slovo a slovesnost" наступил в 1953 г., когда он перешел в издательство вновь образованной Чехословацкой академии наук под эгидой Института чешского языка ЧСАН, первым директором которого стал академик Б. Гавранек (избран академиком в 1952 г.). Журнал лишился своей литературоведческой части и стал выходить под новым подзаголовком "Журнал по вопросам теории и культуры языка". Он снова стал центром развития идей Пражской школы по проблемам общей теории и богемистики. Значимые в научном отношении проблемные статьи публиковались также в обновленном издании Travaux linguistique de Prague; первый выпуск (1964 г.) был посвящен достижениям Пражской школы на современном этапе, второй (1966 г.) – проблемам центра и периферии в системе языка, третий выпуск (1968 г.) содержал статьи по структурной лингвистике к VI Международному

²Позднее дополненный текст статьи был опубликован в сборнике работ [9].

³Текст статьи перепечатан в [11].

съезду славистов, выпуск 1971 г. – работы по фонологии, типологии и общей лингвистике.

Развитие лингвистической мысли Пражской школы получает отражение также в журнале "Наша речь", в трудах философского факультета Карлова университета – *Slavica Pragensia*, в ряде очень ценных в методологическом и теоретическом отношении сборников [13, 14], а также в других коллективных трудах, организатором и фактическим руководителем которых был акад. Б. Гавранек.

Важнейшие результаты своей деятельности в изучении теоретических принципов и их практической реализации в области исследования литературного языка Б. Гавранек обобщил в большом и целостном произведении – в сборнике "Работы о литературном языке" [15].

Уже в 50-е годы выкристаллизовывается линия сопоставительного изучения славянских литературных языков, о чем свидетельствуют прежде всего работы В.В. Виноградова, Б. Гавранека и других исследователей, давших большой импульс для развития этого направления во всей мировой лингвистике.

В своем программном докладе на V Международном съезде славистов в Софии (1963 г.) "Сравнительное изучение структуры литературных славянских языков" [16] Б. Гавранек показал специфичность сопоставительного изучения литературных языков и определил его основные задачи как с точки зрения анализа отдельных языковых уровней и стилевых пластов, так и с точки зрения литературного языка как целого. В этом докладе Б. Гавранек рассматривает взаимоотношение литературных языков и славянских диалектов, вопросы общей основы славянских языков с праславянской ретроспективой, проблемы древнейших культурных славянских языков, старославянского языка и его продолжения в отдельных ответвлениях церковнославянского языка. Можно сказать, что обсуждение на славистических съездах проблематики сопоставительного изучения литературных языков значительно продвинуло их рассмотрение как в плане конкретного описания, так и в аспекте методологическом.

Конференция о литературном языке и языковой культуре, организованная в Праге в 1968 г., в задачу которой входило активизировать широкие слои лингвистической общественности, вызвать у нее интерес к общим и конкретным вопросам культуры родного языка, послужила для Б. Гавранека стимулом для обобщения проблем теории литературного языка и объяснения характеризующих его антиномий: антиномии международности и народности, антиномии совершенствования языка, его способности выражать новые понятия, с одной стороны, и сохранения стабильности, континуума – с другой, и, наконец, антиномии рациональности и эмоциональности. Призывая функциональное расслоение литературного языка, Б. Гавранек выдвигает три основных критерия языка как единого целого: степень его интеллектуализации, степень стабилизации и степень его единства, находящихся в диалектической связи с его функциональным расслоением.

Весьма значительными представляются исследования Б. Гавранека в области литературных славянских языков. Им написаны работы об истоках культурного языка у славян, изложена концепция сопоставительного изучения литературных славянских языков. К первому циклу относится статья "Зачатки славянской письменности и литературы в Великой Моравии и их развитие в чешском государстве времен Пршемысловичей" [17], в которой особо подчеркивается выдающаяся роль первого славянского культурного языка. Значение миссии Константина и Мефодия он оценивает в ряде статей на немецком языке [18].

Интерес к проблематике литературных языков вызвал у Б. Гавранека также интерес к проблеме языковых контактов и языкового смешения. Так, в написанной на сербскохорватском языке статье "Проблематика смешения языков" [19] Б. Гавранек анализирует формы языковой интерференции в условиях коллективного билингвизма. В другой своей статье [20] он показывает, насколько односторонним было старое понимание смешения языков. На материале взаимодействия чешского и немецкого языков он доказал, что понятие "смешение" должно быть заменено понятием "взаимо-

отношение" между отдельными языками, которое следует рассматривать как взаимное сотрудничество и параллельное развитие языков.

В 60-е годы в области структурного изучения языков на первый план выходит анализ более высоких языковых уровней (морфологии и синтаксиса), хотя традиционная для ПЛК проблематика продолжает разрабатываться. С точки зрения системной и функциональной, с учетом синхронной динамики языковой системы и теории центра и периферии изучаются принципы организации и иерархия языковых систем, взаимоотношение различных языковых уровней, семантика и функции частей речи и грамматических категорий, критерии их классификации и размещения в модели описания естественного языка.

Группа грамматистов из Института чешского языка ЧСАН (Ф. Данеш, М. Докулил, К. Гаузенблас и др.) оригинально развивает принципы Пражской школы. Ими решаются вопросы взаимоотношения формы и функций, значения и содержания на синтаксическом уровне (см. [21–25]). Развитие словообразования было отмечено выходом в свет "Теории словопроизводства" М. Докулила [26], возникшей в связи с коллективной работой по словообразованию в Институте чешского языка ЧСАН. Лексикология получила развитие и теоретическое осмысление в работах Й. Филиппа (см. [27, 28]). Появляются труды по проблемам перевода, стилистики. Под руководством П. Сгалла развивается математическая и прикладная лингвистика.

Сравнительно-исторический интерес Б. Гавранек получает выражение не только в его фундаментальном труде "Залог глагола в славянских языках" [1], но и в написанной позже по-русски работе "Залог глагола в старославянском языке в сравнительном плане" [29], которая представляет собой подробное описание на широком славянском фоне языковых средств выражения грамматической категории залога в старославянском языке с учетом развития этой категории в церковнославянском.

В последний этап своей деятельности Б. Гавранек занимается проблематикой структуры предложения в древнейших доступных для изучения периодах в развитии славянских языков [30]. Тщательный анализ фактического материала позволяет ему прийти к заключению о значительной автономности слова в старославянском предложении, особенно определенных форм глагола, что находится в соответствии с предположением об автономности слова в языках флективного типа. Отмеченная особенность получает выражение в свободном отношении личной формы глагола к субъекту, а также в ее частом начальном местоположении в предложении.

Несмотря на огромный диапазон научных интересов Б. Гавранек никогда не был кабинетным ученым. Ему всегда было свойственно глубокое понимание насущных потребностей общества, подлинный интерес к нуждам языковой практики. При реализации больших коллективных работ он выступал не только как инициатор и ответственный редактор, но и как соавтор. К их числу принадлежат девятитомный "Настольный словарь чешского языка" [31], четырехтомный "Словарь литературного чешского языка" [32], шеститомный "Большой русско-чешский словарь" [33], "Древне-чешский словарь" [34], "Правила чешского правописания" [35] и другие работы.

Заботой о распространении родного языка и методах его обучения является написанная в соавторстве с А. Едличкой "Краткая грамматика чешского языка" (*Stručná mluvnice česká*. Praha, 1951), выдержавшая 12 изданий и переросшая из пособия для средних школ в пособие для высших учебных заведений (*Mluvnice česká*).

В обширном научном диапазоне Б. Гавранек одно из ведущих мест занимала русистика. Уже в своем получившем большую известность труде [1] русский язык на фоне других славянских языков был широкомасштабно представлен не только в плане теоретическом, но и в плане привлечения значительного фактического материала.

Особое отношение у Б. Гавранек было к представителям русской лингвистики. От своего учителя Й. Зубатого он унаследовал восхищение А. Потебней, особенно его работой "Из записок по русской грамматике", которую он считал непревзойденным образцом тонкого и проникновенного синтаксического анализа; с большим уважением относился к работам А.А. Шахматова, особенно к его концепции развития восточных

славян, к филологической интуиции А. Соболевского. Из своих современников Б. Гавранек высоко ценил Р.И. Аванесова, Б.А. Ларина, Л.А. Булаховского, Л.В. Щербу и Г.О. Винокура и особенно работы В.В. Виноградова, которого ценил за широту интересов и огромную эрудицию. К формально-структурной школе Ф.Ф. Фортунатова Б. Гавранек не питал особой симпатии, так как считал, что "... в нее следовало бы вложить немного значения" (см. об этом в [36]).

После освобождения Чехословакии Б. Гавранек поставил перед лингвистической общественностью важнейшие задачи, отвечающие новой политической ситуации: подготовку научных кадров в области русистики, создание на высоком научном уровне новых учебников и учебных пособий, подготовку учителей русского языка для средних школ и высших учебных заведений.

Совместно с профессором русистики Л.В. Копецким и славистом К. Горалекем Б. Гавранек руководил созданием "Большого русско-чешского словаря". Работа хорошо организованного, профессионального коллектива была солидной школой для чешских русистов, наиболее способная часть которых начала преподавать русский язык в высших учебных заведениях. Была открыта "Высшая школа русского языка и литературы" с педагогическим и переводческим отделениями, ректором которой стал академик Б. Гавранек.

Исключительные организаторские способности академика Б. Гавранека помогли соединить практические задачи с высокими научными требованиями, о чем свидетельствует основание вышедшего до последнего времени журнала "Бюллетень русского языка и литературы" [37], популярного как в Чехословакии, так и за рубежом.

Уже в 50-е годы имевшая солидную базу чехословацкая русистика выделялась своей неповторимой спецификой, заключавшейся в применении метода В. Матезиуса и Б. Трки аналитического сравнения языков. Усилия Б. Гавранека и его учеников были направлены на разработку принципов и развитие данного метода.

В начале 60-х годов в журнале "Чехословацкая русистика" и в других научных изданиях был опубликован ряд интересных теоретических статей, посвященных принципам сопоставительного изучения родственных и неродственных языков (К. Горалек, В. Барнет, В. Барнетова, О. Лешка, А. Куримский, Р. Мразек, М. Затовканюк и др.).

Сопоставительное изучение грамматического строя русского и чешского языков по инициативе Б. Гавранека началось в Чехословацкой академии наук. Первой большой работой этого цикла была "Настольная грамматика русского языка для чехов" [38], которая отвечала и практическим потребностям общества, и была пробным камнем в научно-исследовательской деятельности русистов. Как главный руководитель богемистики и чешской русистики акад. Б. Гавранек придавал большое значение теоретической подготовке кадров. Следствием этого явилось написание ряда монографических работ, которые были опубликованы в серии "Главы по сравнительной грамматике русского и чешского языков" в 3-х т. [39]. Авторы этих монографических очерков опирались на обширный материал русского языка. Наряду с лексико-графическим коллективом сформировался солидный коллектив грамматиков-компаративистов, который реализовал идею Б. Гавранека о создании большой научной грамматики русского языка. Написанная на русском языке двухтомная "Русская грамматика" вышла в Праге в 1979 г. под редакцией К. Горалека уже после смерти Б. Гавранека. Авторский коллектив, состоящий из виднейших чешских русистов (В. Барнетова, Г. Беличова, О. Лешка, З. Скоумалова и В. Стракова), поставил перед собой цель дать систематическое описание русского литературного языка на фоне чешского на всех языковых уровнях. Задачи системно-функционального описания русского языка авторы сочетали с традиционным для чешской лингвистики сопоставительным подходом.

Однако забота Б. Гавранека о создании научной школы русистов не уводила его в сторону "чистой науки". Будучи председателем комиссии по написанию учебников русского языка для школ, Б. Гавранек был в сущности их редактором и соавтором.

Без преувеличения можно сказать, что благодаря усилиям Б. Гавранека, Л.В. Копецкого, К. Горалека чехословацкая русистика заняла в мире ведущее место. Фонология получила научное описание в работах К. Горалека, Ц. Босака, М. Дюровича, А. Куримского, О. Лешки, З. Оливеруса, Й. Попелы, М. Ромпортла и др. Однако самое большое внимание русистами было уделено описанию грамматического строя русского языка в сопоставлении с чешским и словацким языками. Публикация в Братиславе двухтомного исследования А.В. Исаченко "Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким" (т. I – 1954, т. II – 1960), а также чешские и словацкие коллективные работы и монографии способствовали выработке сопоставительного метода изучения родственных языков, что является бесспорным вкладом чехословацких русистов в языковую теорию.

В морфологии внимание исследователей сосредотачивалось на изучении двух главных проблем: грамматических категорий и частей речи. Из грамматических категорий больше всего разрабатывался глагол. Исторический аспект отдельных морфологических категорий получил описание в работах В. Барнета, Ц. Босака, О. Лешки, Г. Кржижковой и др.

Начиная с 50-х годов в центре внимания чехословацких русистов находилась и синтаксическая проблематика. Сильные синтаксические коллективы образовались в Брно и на философском факультете Карлова университета в Праге. Синтаксическая проблематика разрабатывалась в монографиях и диссертациях. Внимание уделялось проблемам простого и сложного предложения, членам предложения, модальности, порядку слов, интерпункции и другим актуальным проблемам синтаксиса.

Почти все исследования в этой области были написаны с применением методов, широко распространенных, с одной стороны, в работах ПЛК, с другой – в Московской лингвистической школе с некоторыми элементами трансформационного и дистрибутивного анализа.

Считаем уместным отметить, что акад. Б. Гавранек проявлял большой интерес и к работам русских богемистов, которым он при всей своей занятости оказывал постоянную помощь.

Говоря об обширной научной и педагогической деятельности акад. Б. Гавранека, необходимо сказать и о его весьма плодотворной научно-организаторской работе как руководителя различных научных коллективов, обществ, объединений и как редактора ряда научных изданий.

С момента основания новой Чехословацкой академии наук и открытия Института чешского языка Б. Гавранек был его директором и научным руководителем большого коллектива сотрудников (с 1952 по 1963 г.), являлся также вице-президентом Международного комитета славистов, председателем Чехословацкого комитета славистов, членом Бюро постоянного Международного комитета лингвистов, членом Европейского лингвистического сообщества, членом Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков и Парижского лингвистического объединения, председателем Чехословацко-польской лингвистической комиссии, активным членом научной Языковедческой коллегии Чехословацкой АН, председателем Комиссии по изданию древнечешской Библии, вице-председателем Комиссии по проблемам математической и прикладной лингвистики, членом орфографической комиссии и др.

Как уже отмечалось, с 1935 г. Б. Гавранек был ответственным редактором теоретического журнала "Slovo a slovesnost", а после смерти В. Матезиуса в 1945 г. – его главным редактором, с 1947 г. – членом редакции международного журнала "Slavia" и ответственным редактором его языковедческой части, с 1946 г. являлся членом редакции Byzantinoslavica, а с 1969 г. – его ответственным редактором, с 1949 г. был членом редакции научно-популярного журнала "Naša řeč". Академик Б. Гавранек являлся также членом редколлегий ряда научных международных журналов: "Zeitschrift für Phonetik u Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung" (Берлин), "Acta Linguistica Hafnensis" (Копенгаген), "Word" (Нью-Йорк) и др.

Значительным является участие Б. Гавранека в подготовке различных изданий. Так, он был членом редколлегии по изданию памятников древнечешской литературы, главным редактором и одним из составителей трехтомного издания "Избранные произведения чешской литературы догуситского и гуситского периода" [40], членом редакционного совета Национальной библиотеки. С 1957 г. Б. Гавранек являлся редактором серии *Studie a práce lingvistické*, издаваемой Институтом чешского языка ЧСАН, и ряда других изданий.

Академик Б. Гавранек был кавалером многих орденов и медалей, высоких правительственных наград, почетным доктором ряда университетов, членом Болгарской и Сербской АН, членом-корреспондентом ряда других зарубежных академий.

Подводя итог деятельности Б. Гавранека, следует сказать, что он внес существенный вклад в развитие и внедрение в практику ряда теоретических и методологических принципов, сущность которых состоит прежде всего в разработке функционального аспекта структурной лингвистики, в признании нормы в языке, а в связи с этим и динамической концепции языковой синхронии. Это тем более важно, что современные ему лингвистические направления сосредотачивали свое внимание на характеристике структуры как таковой, без учета функционирования языка в процессе коммуникации. Признавая комплексность языковых явлений и их иерархию в языке, Б. Гавранек, как и другие представители Пражской лингвистической школы, избегал того чисто формального антисемантического подхода, который так часто применялся лингвистами других направлений. В истории мировой науки Пражская лингвистическая школа занимает свое особое место, что блестяще показал в своей статье "Копенгагенский структурализм и Пражская школа" В. Скаличка еще в 1947 г. [41]⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Genera verbi v slovaských jazycích. Praha, I – 1928; II – 1937.
2. Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1929.
3. U základu pražské jazykovědné školy. Praha. 1970.
4. Havránek B. K funkčnímu rozvrstvení spisovného jazyka // Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
5. Havránek B. Nářečí česká // Československá vlastivěda. III. Praha, 1934.
6. Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha, 1932.
7. Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého // Československá vlastivěda. Ř. II. Praha, 1936.
8. Havránek B. Mluvnická kodifikace spisovné češtiny // Slovo a slovesnost. 1935. Č. 1.
9. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
10. Havránek B. Zásady Pražského lingvistického kroužku a nová kodifikace spisovné češtiny // Slovo a slovesnost. 1947/1948. Č. 10.
11. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
12. Vachek J. "Slovo a slovesnost" jako tribuna Pražské školy jazykovědné v letech 1935–1943 // Slovo a slovesnost. 1965. Č. 4.
13. O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958.
14. Problémy marxistické jazykovědy. Praha, 1961.
15. Havránek B. Studie o spisovném jazyce Praha, 1963.
16. Havránek B. Srovnávací studium struktury spisovných jazyků slovanských // Československé přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistů v Sofii. Praha, 1963.

⁴Характеризуя оба направления структурализма, В. Скаличка убедительно доказал, что копенгагенская лингвистика Л. Ельмслева сильно редуцирует семиологическую проблематику, которая у него подчинена проблеме формы, структуры и образования, в то время как Пражская школа всегда уделяла большое внимание проблемам семасиологии и семантики, что на протяжении нескольких десятилетий получало отражение в работах ее последователей.

По мнению В. Скалички, с которым нельзя не согласиться, Пражскую лингвистическую школу характеризуют две принципиальные нотации:

1) во-первых, это структурность, т.е. углубленная разработка системно-структурного метода, который решает проблему образования языков и взаимосвязи их частей;

2) во-вторых, это функциональная лингвистика, в которой функция означает не отношение, как у Ельмслева, а цель, задачу (úkol). А это значит, что пражская лингвистика решает проблемы семасиологические.

17. *Havránek B.* Počátky slovanského písma a psaně literatury v době velkomoravské // *Velká Morava. Tisíciletá tradice státu a kultury.* Praha, 1963.
18. *Havránek B.* Die Bedeutung Konstantin und Methods für die Anfänge der geschriebenen Literatur in Grossmähren // *Cyrilo-Methodianische Fragen.* Wiesbaden, 1968.
19. *Havránek B.* Problematika mješanja jezika // *Zadarska revija.* 1964. 13.
20. *Havránek B.* Zur Problematik der Sprachmischung // *TLP.* 1966. № 2.
21. *Dokulil M., Daneš Fr.* K tzv. významové a mluvnické stavbě věty // *O vědeckém poznání soudobých jazyků.* Praha, 1958.
22. *Hausenblas K.* Syntaktická závislost, způsoby a prostředky jejich vyjadřování // *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury.* 1962. Č. 6.
23. *Daneš Fr.* Syntaktický model a syntaktický vzorec // *Československé přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistů v Sofii.* Praha, 1963.
24. *Horálek K.* K teorii věty // *Slovo a slovesnost.* 1965. Roč. XXVI.
25. *Leška O.* K otázce syntaktických vztahů a jejich vyjadřování // *Bulletin ruského jazyka a literatury.* 1962. Č. 6.
26. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I: Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
27. *Havránek B., Filipec J.* Lexikálně sémantická výstavba hesla // *O vědeckém poznání soudobých jazyků.* Praha, 1958.
28. *Filipec J.* Česks synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie. Praha, 1961.
29. *Havránek B.* Залог глагола в старославянском языке в сравнительном плане. Praha, 1963.
30. *Havránek B.* Větná struktura v nejstarších fázích slovanských jazyků // *Československé přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě.* Lingvistika. Praha, 1973.
31. *Příruční slovník jazyka českého.* Praha, 1935–1957.
32. *Slovník spisovného jazyka českého.* Praha, 1958–1970.
33. *Velký rusko-český slovník.* Praha, 1952–1954.
34. *Slovník staročeský. D. II.* Praha, 1968.
35. *Pravidla českého pravopisu.* Praha, 1957.
36. *Leška O. Zásluhy B. Havránka o budování a rozvoj české rusistiky* // *Slavica Pragensia.* 1993. XXXIV.
37. *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury.* Praha, 1956 (nóžje – *Bulletin ruského jazyka a literatury*).
38. *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy. D. I: Hláskosloví,* Praha, 1961; *D. II: Skladba,* Praha, 1960.
39. *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české.* Praha, D. I – 1956; D. II – 1961; D. III – 1968.
40. *Výbor z české literatury doby předhusitské a husitské.* Praha, D. I – 1957; D. II – 1 – 1963; D. II – 2 – 1964.
41. *Skalička V.* Kodaňský strukturalismus a Pražská škola // *Slovo a slovesnost.* 1947–1948. Roč. X.